

STATI – СТАТЬИ – ARTICLES – AUFSÄTZE

АНАТОЛИЙ АФАНАСЬЕВИЧ ЗАГНИТКО

**ТИПОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОЯВЛЕНИЯ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ
ПАРАДИГМ: КЛАССИФИКАЦИОННЫЕ
И КВАЛИФИКАЦИОННЫЕ АСПЕКТЫ**

1. Общетеоретические предпосылки. Лингвистические исследования всегда основываются на тех или иных философских постулатах, которые составляют общенаучную методологическую основу – методологию, что и обуславливает выделение особого раздела языкознания – лингвометодологии (Селіванова 2008, 11). Классическим философским пониманием методологии является определение её как *системы принципов и способов организации и построения теоретической и практической деятельности, а также учения об этой системе* (Философский 1989, 359). В данном случае лингвометодология является одним из проявлений общей методологии – науки о способах познания и осмысления действительности, установок, принципов, процедур и методик рассмотрения объектов различных наук. Задачей лингвометодологии является раскрытие природы языка в соотношении с сознанием его носителей, социумом, культурой, действительностью, коммуникацией, процессами познания мира, а также создание надёжного соответствующего инструментария, принципов описания и анализа языка и его продуктов (Селіванова 2008, 11). в истории лингвистической науки известны несколько способов применения общеполософской методологии для адекватного определения семиотической, когнитивной, функциональной природы языка, его взаимосвязи и взаимоопределяемости с культурой, этносознанием, социумом, этническими ценностями, духом этноса.

В целом известны четыре основные методологии, которые тем или иным способом определяли направления лингвистических исследований: 1) феноменологическая, 2) позитивистская, 3) рационалистская, 4) функциональная (Лещак 1996). Каждая из данных методологий влияет на квалификацию исследователями тех или иных языковых явлений, анализ соотношения

языка и мышления и т.д. Необходимо учитывать также то, что определённая лингвометодология прямо не коррелирует с соответствующей научной лингвопарадигмой, понятие которой в основном своём проявлении сориентировано на общенаучную парадигму. Последнюю рассматривают как: 1) способ познания объективного мира; 2) проявление научного объекта в понятийно-процедурном аппарате научного течения, научной школы (дескриптивистская, генеративная парадигма в лингвистике); 3) образец научных представлений, процедур и методик на определённой территории в тот или иной период (по Е. Селивановой). Такое понимание *парадигмы* с атрибутом *научная* (наряду с известным с античности и используемым в мета-языке лингвистического описания её значением как образца словоизменения) стало распространённым после работ известного американского социолога Т. Куна по проблемам эволюции научных мировоззрений. Это прежде всего исследование (Kuhn 1962), появившееся в 1962 году (с некоторыми дополнениями в 1969 году), где раскрыто глубинное соотношение парадигмы и структуры научного сообщества, рассмотрена парадигма как набор предписаний для научной группы и парадигма как общепризнанный образец, определены соотношения научной революции и научного релятивизма и т.д. Учёный обосновал зависимость совокупности научных знаний от общекультурного фона социума (теория Т. Куна коррелирует с концепциями М. Фуко (ср.: термин «парадигма» Т. Куна и термин «эпистема» М. Фуко)).

2. Общенаучна парадигма и лингвопарадигма: взаимодействие и типологические особенности. Научная парадигма является признанным большинством образцом научных знаний и действий в соответствующий период в определённом сообществе (Кун 1977, 31). Научная парадигма в целом, а научно-лингвистическая в частности, направлена на систематизацию, воспроизведение и прогнозирование мета- и менталингвистической устойчивости и динамики одновременно, выявление многоаспектного и разнообразного, сложного по своему существу процесса изменения способов лингвофилософии (Л. Альгюссер, Н. Алефиренко, Г. Башляр, М. Ротбард, Д. Руденко, П. Файерабенд, А. Факторович и др.). Видоизменение научно-лингвистической парадигмы ни в коем случае не свидетельствует об отрицании предыдущих исследований, их результатов, так как срабатывает аккумулятивный механизм науки, в котором все предыдущие наработки логично продолжают даже в рамках новой парадигмы (ср. применение логического толкования предложения в структурных исследованиях (Л. Теньер и др.)) или же они используются в другом мировоззренческом измерении, что позволяет достичь несколько иных результатов (ср. применение результатов структурных исследований в функциональной лингвистике, генеративной грамматике – разграничение центра, периферии и т.п., определение принципов зависимости и проч.).

Существует несколько концептуально разнородных подходов к пониманию статуса лингвистической научной парадигмы, её объёмов, наполняемости и измерений (научные направления, подходы, школы), значимости

(этапные достижения), статуса (соотношение с соответствующими философскими интенциями), хронологических рамок (временной отрезок развития), взаимосвязи с другими типологически родственными / типологически неродственными научными парадигмами и др.

В толковании лингвистической научной парадигмы следует опираться на её корреляцию с философским течением (основными постулатами), выявление ядерной эпистемы (мировоззренческой доминанты), соотношение с другими научными парадигмами, влияющими на эклектичность научных изысканий (структурализм и функционализм (XX в.), сравнение и таксономия (XIX в.) и проч.). Разграничение лингвистических научных парадигм основывается на мировоззренческих постулатах и константах, определяющих признаки квалификации языка (знаковый характер, функциональный статус, символично-категоризационный пласт и т.п.), модусов существования лингвопарадигм и т.д. В современном теоретическом языкознании распространено дифференцирование 1) либо генетической, таксономической, прагматической, когнитивной (Е. Селиванова и др.), 2) или дососсюровской, собственно-соссюровской и постсоссюровской (Н. Алефиренко, А. Кошелев и др.), 3) либо же элементарно-компонентарной, системно-структурной, номинативно-экзистенциальной (А. Загнитко и др.) научно-лингвистических парадигм. Каждая из трёх классификаций определённым способом упорядочивает и систематизирует имеющиеся в её пределах научные направления, научные школы, научные течения и основывается на тех или иных постулатах. Для одних главным всё-таки является совокупность используемых методов (ср.: младограмматическая, структуралистская и генеративная парадигмы у Ф. Березина), стиль мышления и т.д. (1), для других главенствующим признаком является носитель основополагающей идеи (соссюровская, хомскианская) и соответствующие научные школы (2), для третьих – это совокупность различных сосуществующих эпистем и разрабатываемых на их основании теорий (3).

3. Основные классификационные типы научных лингвопарадигм.

Важным для понимания закономерностей проявления научной лингвопарадигмы является учёт наличия в её объёмах подходов, течений, школ, теорий – их неадекватное разграничение часто предполагает рассмотрение через иерархически подчинённое понятие определяющего. В этом разрезе подход является только соответствующим ракурсом анализа объекта. Так, например, предложение в синтаксисе можно исследовать в структурном, собственно-семантическом, семантико-синтаксическом, прагматическом, коммуникативном измерениях (это возможно только в пределах номинативно-экзистенциальной лингвопарадигмы); значение же слова можно рассматривать в семасиологии в ассоциативном, параметрическом, прототипическом или другом аспекте (когнитивно-функциональное направление в рамках номинативно-экзистенциальной парадигмы). Метафору вполне перспективно исследовать в логико-философском, логико-психологическом, гносеологическом, собственно-психологическом, лингвистическом,

когнитивном аспектах (представляется возможным разграничение сенсорной и ориентационной метафор с характеристикой метонимической основы метафоры, ср., например: *счастье – это свет; страх – это холод* (В. Апресян (Apresjan 1997), А. Барселона (Barselona 2000)), применяя процедуры измерения метонимических мотиваций метафор (П. Пауелс (Pauwels 1995)), иногда используют даже термин *метафтонимия* для обозначения двух процессов взаимодействия – взаимопроникновение ↔ взаимовыявление – метафоры и метонимии (Л. Гуссенс (Goossens 1990), синергетический подход номинативно-экзистенциальной парадигмы).

Научное течение существует и реализует свои предписания в пределах определённого подхода (структурного, семантического / собственно-семантического, коммуникативного, прагматического и др.), в отдельных случаях может совмещать несколько подходов (коммуникативный и когнитивный, семантический и структурный и т.п.), что определяется конкретными установками, принципами исследования. Научная школа базируется на том или ином подходе и воплощается в определённом научном течении как «творческое обнаружение сотрудничества исследователей разных поколений, объединённых принципами подхода к решению соответствующей научной проблемы, стилем работы, взглядами на развитие исследований в избранном научном направлении, общей для них оригинальной идеей, доказательство которой является стимулом развития исследований и фактором объединения исполнителей, несмотря на возможное различие их характеров и представлений» (Алефиренко 2009, 23). Активное взаимодействие трёх величин – установочной, предметно-познавательной, процедурно-технологической (по Е. Кубряковой (Кубрякова 2004)) – обуславливает формирование научной парадигмы, её функционирование.

4. Динамика научных лингвопарадигм: дискуссионность классификации. В современной лингвистике зачастую постулируют тезис о последовательной смене научных лингвопарадигм или же их активном сосуществовании (одна лингвопарадигма линейно заменяется другой и т.п.), последнее возможно прежде всего при условии активного проявления определённой эпистемы (греч. *epistēmē* – познание) – мировоззренческой доминанты, при которой все другие эпистемы испытывают определённое влияние такой доминанты. Известной является концепция П. Серию, выделяющего три-четыре определяющие научные лингвопарадигмы (ср. также взгляды Н. Алефиренко, Е. Кубряковой и др.). Эта точка зрения основывается на статусной / статусных эпистеме / эпистемах. Учёный акцентирует значимость: 1) генетической (сравнительно-исторической, эволюционной) – XIX-XX вв.; 2) таксономической (системно-структурной) – первая половина XX века; 3) прагматической (коммуникативно-функциональной) – вторая половина XX века и до наших дней; 4) когнитивной (когнитивно-дискурсивной) лингвопарадигм (анализ по (Селіванова 2008, 16)). Некоторые лингвисты добавляют ещё синергетическую парадигму (греч. *synergeia* – совместное действие, взаимодействие), рассматривая последнюю через квалификацию

языковой системы как сложной, открытой, нелинейной, эволюционной. Функциональное проявление такой системы возможно благодаря взаимодействию и взаимообусловленности собственных подсистем – компонентов и взаимодействий других внешних систем среды (этноса, культуры, социума, сознания и др.). Система пребывает в состоянии большего / меньшего равновесия (неустойчивость, нестабильность), внутренние составляющие обеспечивают самоорганизацию с постоянной динамикой равновесия / неравновесия (по Е. Селівановой). В синергетическом измерении как особой экзистенции (номинативно-экзистенциальная лингвопарадигма) достаточно продуктивной является теория эквивалентности и формульного вычисления значений так называемых аналитико-синтаксических морфем (Klikovač 2006; Ханзен 2006; Загнітко 2007). В синергетике выполняется всё больше работ по лингвистике текста, дискурсологии (А. Загнітко, В. Колесов и др.).

Не менее весомым и мотивированным является другой подход к дифференциации лингвопарадигм, основывающийся на статусном постулате *первичности / вторичности языка* \updownarrow *концептуального мира*. Основываясь на данном постулате, А. Кошелев (Кошелев 2008, 15–40) выделил три варианта ответа. Исходным положением первого (соссюрловской парадигмы) является первичность родного языка, усваивающегося ребёнком до возникновения у него концептуального мира. Поэтому используя язык, ребёнок формирует концептуальный мир. Вся категоризация мира, расчленение его на концепты и установление между ними отношений осуществляется в соответствии с языковыми значениями и отношениями между ними. В этом случае речь является самодостаточной системой, а концептуальный мир – продуктом, отражающим эту системность (это, собственно говоря, соссюрловский подход).

Второй (антисоссюрловская, или когнитивная лингвопарадигма) вариант базируется на первичности концептуального мира. Усваиваемые впоследствии языковые значения представляются номинированными элементами концептуального мира в их соответствующих отношениях. Поэтому системность языковых знаков мотивирована системностью концептов мира, а речь прямо замкнута на объективную действительность (это антисоссюрловский взгляд, а также когнитивный, ср. труды А. Вежбицкой, Дж. Лакоффа и др.).

Определяющим тезисом постсоссюрловской парадигмы является то, что и концептуальный мир, и речь человека формируются как самостоятельные, автономные системы, где языковые знаки образуют свою системность (они самодостаточны), элементы же концептуального мира с их отношениями – свою. Языковые значения описывают концепты мира не прямо, а через специфический язык символов (постсоссюрловский подход, см. труды А. Мельчука, Н. Хомского и др.), отражающий особенности концептуализации, закономерности категоризации мира, членение объективного мира. По А. Кошелеву, концепты определяют базовые категории, их функциями является обеспечение человека умением воспринимать объективный мир

(формирование предметных миров из путаницы пятен, линий, точек, светотеней и др., возникающих в перцептивном поле человека).

Здесь важно то, что со времён Аристотеля и до работ Л. Витгенштейна категории рассматривались как прозрачные «сущности». Считалось, что вещи принадлежат к той же категории, если и только если они имеют определённые общие признаки. Присущие им такие общие признаки квалифицировались как определяющие для данной категории (принципиальным это является для элементарно-таксономической лингвопарадигмы). В предельно краткие сроки возник новый подход к категориям – теория прототипов и категорий базового уровня (Дж. Лакофф, Э. Рош). Разграничение анти- / пост- / сосюрловской парадигмы весьма интересно, но в своей сущности не отражает главного – определяющей мировоззренческой эпистемы и совокупности используемых методов (лингвометодологии).

5. Квалификационные признаки и классикационные основания истолкования лингвопарадигм. Наиболее мотивированной и концептуально взвешенной является дифференциация элементарно-компонентарной (элементно-таксономической), системно-структурной и номинативно-экзистенциальной научных лингвопарадигм. Для первой характерно создание всеобщих таксономий (эпоха античности, средневековья и проч.), выделение особенностей соотношения различных элементов (конец XIX – XX вв.), что уже на качественно ином уровне осмыслено как гиперо-гипонимия (по существу впервые квалифицировал этот тип отношений Дж. Лайонз). Третья научная лингвопарадигма целиком и полностью коррелирует со всеобщим постулированным человеческим фактором (здесь и роль человеческого фактора в языке, и осмысление различных коммуникативных стратегий и тактик через соотношение адресанта и адресата с носителем аналитико-синтетических величин текстом как срединным элементом коммуникации, типы речевых актов / речевых жанров и т.п. (XX-XXI вв.)).

6. Составляющие номинативно-экзистенциальной лингвопарадигмы. Основными составляющими данной парадигмы являются: *теория референции, теория номинации, теория речевых актов ↔ речевых жанров*. Учитывая понятие хаотичности актуализированного языка, теорию диалогичности языка / текста / речи (Н. Бахтин и др.) и общую теорию референции, легко дифференцировать, например, функционально-референциальное проявление пространственных местоимений *этот / тот*, которые в рамках текста предстают в особых трансформационных функциях. Для системно-структурного подхода это не свойственно, потому что возможны только обнаружения собственных функций, образование вторичных функций и проч., а экзистенциальный компонент анализируемой лингвопарадигмы позволяет ввести понятие участника события и его наблюдателя и т.д. Последнее делает возможным определение мотивированности и обусловленности удаления предметов / событий или явлений во времени относительно говорящего как наблюдателя сообщаемой ситуации. В данном случае местоимения *этот* и *тот* составляют оппозицию, в рамках которой первый элемент «согласно

своему пространственному указанию на предмет, наименее удалённый от говорящего, заменяет в тексте обозначение предмета (действия, события), упомянутого говорящим позже (т.е. последнего по времени не отдаленного от говорящего – наблюдаемого говорящим), местоимение *тот* согласно своему пространственному указанию на предмет, наиболее удалённый от говорящего, заменяет в тексте обозначения предмета (действия, события), упомянутого по времени раньше других (т.е. удалённого от говорящего как наблюдателя описываемой им ситуации)» (Шелякин 2008, 13), ср.: *Хлопчик сидів у тіні розлогого високого ясена під самісіньким тином; інший допомагав зняти йому торбину. «Як добре, – сказав цей, – на решті ви приїхали»* (О. Слисаренко) и *Прийшла звістка, що в село прибув новий священик. Ми разом з Василем відразу відправились до нього. Цей важкий і такий довгий з надривом шлях я запам'ятаю назавжди* (Б. Лепкий). В данном случае теория референции является определяющей для квалификации значений местоимений *этот / тот*.

Номинативно-экзистенциальная лингвопарадигма, аккумулировав исследовательские достижения предыдущих научных теорий, направлений и школ, является этапной. Каждая из научных лингвопарадигм имеет трудности, предполагающие определённую обобщающую модель. В пределах элементарно-таксономической – это создание законченной теории всеобщей грамматики с соответствующим практическим её применением, ср., например: «Всеобщая и рациональная грамматика Пор-Рояля» (фран. *Grammaire générale et raisonnée de Port-Royal* (1660 г.)), теории модистов с выделением различных модусных компонентов (Загнітко 2007). Не менее актуальным было установление законченной системы категорий, определение их иерархии и особенностей взаимодействия (системно-структурная лингвопарадигма). Весьма значимой и знаковой является проблема категоризации в её соотношении с концептуализацией в современной лингвистике, наиболее полно представляющая проблему человеческого фактора – теория референции, теория номинации и др.

6.1. Категоризация и концептуализация: сущность и взаимосвязь. Основным постулатом категоризации, очевидно, является исходный тезис о том, что реальный мир не хаотичен, а структурирован, т.е. в нем четко прослеживаются сходства, различия и другие отношения, которые, собственно, составляют его онтологию и не зависят от человеческого сознания. Эта онтология отражена в сознании человека в виде определённой категоризации. Современные теории анализа текста (контент-анализ, обоснованная теория, этнометодология (анализ способа коммуникативного участия), разговорный анализ и другие) исходят из применения пошагового основополагающего принципа *концептуализация* → *категоризация* имеющегося материала. Если исходить из того, что самое важное из появляющегося в жизни человека, – это *категоризация*, т.е. подведение всего окружающего под определенные общие разряды, то *концептуализация* – это постоянное и непрерывное, независимое от человека, его сознания членение

(типизация) составляющих мира (по С. Шафикову (Шафигов 2007)). Такая категоризация (достаточно распространенным является рассмотрение категоризации (*categorize*) как производного от *категоризировать*, т.е. членить, подводя под общее имя (Михеев 1991, 46)) является результатом наблюдаемого (*дерево, птица, трава, ваза* и т.д.), реализуемого (*хождение на лыжах, катание на велосипеде* и т.п.), осмысливаемого (те или иные синтаксические / морфологические явления, типы предложения, падеж, таксис и др.).

Категоризацию и её результат (в рамках номинативно-экзистенциальной лингвопарадигмы) – категорию в разных языках легко истолковывать как освоение окружающего мира и его закрепление языковыми ресурсами, вследствие чего актуализированными являются наименования смыслов (смысловых пар) типа *ночь, растение, любовь / ненависть, смелость / страх*; логических отношений (*целое / часть, совместное / разное*), где для человека определяющими являются повседневные категории типа *зелёный, истина*, их экзистенциальность. В этом аспекте категоризация приближена к концептуализации, но отнюдь не тождественна ей. Всё это ещё раз подтверждает взаимообусловленность номинативного и экзистенциального компонентов в номинативно-экзистенциальной лингвопарадигме.

Для теории номинации как составляющей номинативно-экзистенциальной лингвопарадигмы важным является то, что в современных лингвистических подходах существует несколько толкований корреляции понятий *категория* и *концепт*, где последний преимущественно соотносят с *понятием* (Загнитко 2010). Это в определённой степени мотивировано его этимологией – от лат. *conceptus* – то же, что и понятие, хотя этот термин лучше считать производным от формы среднего рода лат. *conceptum* – зерно, то есть зерно первичного смысла, которое «произрастает» в текстах завершённым смыслом, поэтому *концептум* отличается от *концепта*-понятия как сущность от явления (см.: (Колесов 2010, 4)). В этом смысле исследователи дифференцируют различные подходы к квалификации и классификации концепта, среди которых особенно важными являются работы по проблемам ментальности, в частности:

1) *био-психологические* исследования (определение ментальности и установление её составляющих типа народного характера, духа, души, мысли; при этом ментальность можно истолковывать и в *этносоциальном* (*этнокультурном*) измерении как совокупность символов, находящихся в пределах определённой лингво-исторической эпохи и утвердившихся в сознании людей (*мыслительные стереотипы* – концепты, в других истолкованиях – *лингвокультурема* (В. Воробьёв), *логоэпистема* (Е. Верещагин, В. Костомаров), т.е. слово в культурном контексте (существенным является определение этнической ментальности (этноязыковой картины мира, лингвоэтнических констант и т.д.))) и исследования возникновения ментальности, определения этнического «погружения» ежеминутных размышлений;

2) *лингвистический* аспект исследования ментальности с концентрацией внимания на нерасчленённом семантическом треугольнике *идея (познание*

↔ *сознание*) ↔ *слово* ↔ *вещь (знание)*, где каждый из имеющихся путей делает возможным возникновение разного измерения концептов;

3) *когнитивная* лингвистика, исследующая проблемы концепта (типа *ум, истина, мысль, знак, правда*), концептуализации, категоризации, концептосферы (типа *живая природа, неживая природа*) – последняя скорее охватывает изучение картины мира и её уровни, сюда же относится разработка *констант* (Ю. Степанов), *прототипов* (А. Бондарко), где возможным представляется рассмотрение *грамматической ментальности*, в более узком смысле – *синтаксической ментальности* (Ш. Балли, О. Есперсен, И. Мещанинов) (достаточно легко обнаружить собственно-синтаксические формы и формулы национальной ментальности);

4) *контенсивная* лингвистика, ориентирующаяся на раскрытие содержания грамматических форм в их речемыслительном проявлении (по В. Колесову, движение от образа первичного смысла через символ к современной понятийной структуре слова);

5) *концептуальная* лингвистика (первыми были исследования С. Аскольдова, сегодня работы А. Камчатнова, В. Колесова, В. Юрченко), в рамках которой наиболее существенным направлением является философия имени (Д. Руденко) как онтологическая теория смысла (содержательные формы слова через соотношение с логическим понятием и со значением слова, т.е. форма слова → понятие ↔ значение). Как утверждает В. Колесов, концепты потенциально синкретичны и неразложимы на составляющие – обнаруживаемые только в конкретной ситуации общения; в сознании концепт обнаруживается как самый общий смысл родового значения, но в речи никогда не дан в рассредоточенном абстрагированном проявлении; концепт входит в систему национальной речемысли (т.е. ментальности), но одновременно имеет открытый характер, доступный воздействиям извне; концепт не входит в последовательный ряд выражений и слов, но выступает как иерархическая система, углубляющаяся в сознании смысловых первичных образов – архетипов сознания; имея опорой основной понятийный признак (выявляемость концепта), концепт в то же время направлен к символическому смыслу как к пределу своего развертывания. Ссылаясь на С. Аскольдова, учёный констатирует, что концепт реально существует именно потому, что формально его нет: концепт не имеет формы, потому что сам он и есть внутренняя форма смысла, *потенциальное* предстаёт особой ценностью значимости. Такой ценностью и является *концепт* и его органическая часть – *слово* (Колесов 2010, 13). Ср. в чём-то подобное высказывание Ж. Делёза и Ф. Гваттари, квалифицирующих концепт как единство предельного количества разнородных составляющих, которые проходят через определённую точку в состоянии абсолютного движения с бесконечной скоростью, и которым свойственны: а) неразложимость, б) историко-культурная мотивированность, в) концентрация и скопления собственных компонентов, г) процессуальность и модулярность, д) бестелесность, но воплощённость или реализуемость в телах (Делёз 1998, 28–32). Теория номинации в номинатив-

но-экзистенциальной лингвопарадигме исходит из неразложимости, амальгамности концепта, а его номинация (наряду с другими) является одним из средств его функционального обнаружения, возможно, наиболее значима на современном этапе лингвистических исследований в силу её доступности и удобства для анализа. Но нельзя утверждать, что именно эта составляющая является доминирующей (ср. паралингвистический диапазон – кинесика, гаптика и проч.).

6.2. Экзистенциальный компонент предложения. Новая номинативно-экзистенциальная лингвопарадигма сделала возможным и рассмотрение предложения сквозь призму соотношения в его структуре номинативного и экзистенциального компонентов, где материальным является субъект, идеальным – предикат. Поэтому словосочетание генетически всегда порождается именем и его интенциями, даже вторичные словосочетания типа *цветы на балконе, огонь в душе, домик у моря* по своему системному статусу мало чем отличаются в этом смысле от первичных, а предложения всегда образованы глаголом (ср. основополагающий тезис А. Потебни о том, что славянское предложения вне Vf не существует). По В. Юрченко, оба варианта выражения запрограммированы в ментальности, подобно трёхчленному инварианту предложения – трёхчленной структуре мира (Юрченко 2005). Языковое сознание обусловлено этнической и социальной принадлежностью языковой личности, осознание своего речевого поведения порождает самопознание.

Между научно-лингвистическими парадигмами не существует чёткой и непреодолимой границы, что приводит к активному использованию наработок одной парадигмы в другой, а иногда к эклектическому неразграничению ↔ сочетанию различных предыдущих парадигмальных подходов с новейшими наработками. Это достаточно прозрачно прослеживается при исследовании основной синтаксической единицы – предложения. На современном этапе в основном под предложением понимают отвлечённый образец / отвлечённый объект, вырисовывающийся с опорой на прототипические образцы высказывания (Evans 2007, 189). Предложение, наделённое определёнными абстрактными функциями, квалифицируют часто как форму грамматической структуры. Так, например, одной из дефиниций предложения могла бы выступать формула $Z \rightarrow GN GW$, где символ 'Z' обозначает предложение, 'GN' – его номинальную / номинативную группу в функции подлежащего, а 'GW' – вербальную группу, или глагольную, обеспечивающую информацию о подлежащем (экзистенциальный компонент): *Девушка поёт песню* – 'GN' Девушка и 'GW' поёт песню; *Мальчик рисует картину* – 'GN' Мальчик и 'GW' рисует картину; *Учитель проверяет тетради* – 'GN' Учитель и 'GW' проверяет тетради; *Дедушка рассказывает внукам сказку* – 'GN' Дедушка и 'GW' рассказывает внукам сказку. Хотя понятие предложения возникает из прототипических моделей выражения, оно никак не может быть отождествлено с понятием высказывания в современной номинативно-экзистенциальной научно-лингвистической парадигме. Подтвер-

ждением этого является то, что формальное языкознание заинтересовано преимущественно направлением исследования функций языка, что делает возможным продуцирование грамматически нормативных предложений, а в когнитивном языкознании обычно не заинтересованы в предложении как в теоретическом конструкте. Определяющим объектом когнитивных интересов является понятие высказывания, или использование языка. Когнитивные моделирования опираются на предыдущие наработки, так как установление вербальных и невербальных параметров когнитивной модели / концепта / концептосферы базируется на формах проявления – эксплицитные, имплицитные, супraseгментные и т.д. Когнитивные исследования предложения полноценно «вмонтированы» в модель номинативно-экзистенциальной лингвопарадигмы, где первая её составляющая наиболее адекватно отражает особенности лингвистического обнаружения концепта, а теория речевых актов и речевых жанров адекватно охватывают направления реализации когнитивных моделей.

6.3. Номинативная ↔ экзистенциальная составляющие. Ядро языкового сознания составляют концепты с наибольшим количеством связей, полученных на наибольшее количество стимулов, в чём прослеживается связь номинативного и экзистенциального компонентов. Это легко обнаружить, например, в разграничении *объективного, субъективного и языкового пространства как субстанций*, составляющих сущность языковой понятийной категории, а в концепте *пространство* представляющих разные иерархические пласты. Иерархия концептов соответственно отражает особенности концептуализации мира и очерчивает парадигму ценностей, через их систему легко проследить особенности гражданской идентичности (осознание человеком собственной причастности к сообществу граждан того или иного государства как важнейшая часть функционирования политической структуры и т.п.). Как показывают наблюдения, для этносов Казахстана, например, ядром фрагментов языкового сознания являются базовые концепты политического дискурса типа *власть, воля, народ*, но их проявления у отдельных этносов разные: русскоязычные казахи концептам *воли* и *власти* придают почти одинаковое значение, а в ответах россиян в Казахстане наиболее частым предстаёт концепт *власть*, хотя сам концепт *власть* не принадлежит к ядру языкового сознания россиян (Жикеева 2010, 100–104), для казахского языкового сознания в политическом дискурсе иерархически вершинным предстаёт концепт *халық – народ*, а *воля* связана только с единством народа: *Эл бирлиги эл теңдиги (В единстве народа его воля)*. Это в некоторой степени мотивировано и акцентировано «вмонтированностью» каждого индивидуума в народ, осознанием целостности и жизненности рода, этноса, где человек – это член сообщества, прежде всего существо родовое, ведь определяющим является принцип «жети ата» – знание своей генеалогии до седьмого колена – как одна из этнических констант казахского народа, основное ядро этнической целостности, гарантия отсутствия кровно родственных связей, источник духовного и культурного единства

народа. Отсюда и чёткое противопоставление своего – чужого с должной актуализацией в паремиях типа *Кұдайдың қарғысына ұшырасан, халықтың қарғысына ұшырама* (Даже если достигла тебя Божья кара, то не достигнет тебя проклятие народа). Номинативное обнаружение концепта, последующие его категоризации и систематика связей полноценно отражают его экзистенциальную наполненность.

6.4. Теория речевых актов и речевых жанров. Современная номинативно-экзистенциальная парадигма в рамках теории речевых актов и речевых жанров имеет довольно развёрнутую сеть течений и школ, где активно исследуются проблемы коммуникативных стратегий и тактик, модели коммуникации, исчерпывающе характеризуются дифференциальные признаки языка, речи и речевой деятельности (речевого сознания и речевого самосознания) с характеристикой механизмов последней, определением особенностью ассоциативно-вербальных связей и т.д. Установление определяющих компонентов речевого акта позволило рассмотреть дискурсивную типологию в историческом (Поповић 2000; Поповић 2008; Ивановић 2007), социальном / социально-прагматическом (Т. ван Дейк), гендерном, образовательном и других срезам. Не менее важны квалификации речевых актов (В. Богданов, Дж. Остин, Дж. Сёрль, И. Сусов), классификации речевых жанров (Н. Бахтин, Ф. Бацевич), определение законов, постулатов и максимум коммуникации (Г. Грайс), установление прагматических типов предложения (А. Загнитко, Г. Почепцов). Значимым является утверждение В. Юрченко о том, что абстрактный говорящий соотносит «заглагольный член (обстоятельство – дополнение) с исходным предметом сквозь призму грамматических значений наклонения и времени, выражающихся формами глагола-сказуемого (объективная модальность), и тот же говорящий как конкретная, индивидуальная личность членит высказывания на тему и рему и связывает их (субъективная модальность)» (Юрченко 2005, 166), ср. также (Танасић 2009, 37–67). В этой мысли учёного весьма своеобразно объединены и функционально-структурный, и когнитивно-экзистенциальный подходы, что ещё раз подтверждает мысль о постепенной смене лингвопарадигм. Теория речевых актов в этом случае раскрывает механизм «введения» интенций адресанта в высказывание, а теория номинации освещает основные направления осложнения предложения через призму расширения номинализационной плоскости в его структуре – наличие описательных предикатов, конструктивных синтаксем, сегментированных компонентов, деформирование синтаксических связей, компликаторов, дуплексивов и т.д. Последнее является следствием расширения номинативной направленности предложения. В рамках номинативно-экзистенциальной лингвопарадигмы приобрёл завершённость и тезис о номинативном измерении предложения (номинация ситуации). Установление количества пропозиций в предложении, разграничение семантически элементарных и семантически неэлементарных предложений, определение различия между предикативностью и предикатностью мотивировало органический выход в теорию

текста и установление в пределах последнего типологии междупредложенческих внутритекстовых связей и семантических отношений, диагностику внутритекстовой валентности предложения и т.д.

Одним из перспективных и активно разрабатываемых направлений номинативно-экзистенциальной парадигмы сегодня является синергетика. Применение её методов, приёмов и методик, сориентированных на исследование языка как неравновесной системы, позволит раскрыть особенности равновесия языковых подсистем и выявить соотношения центростремительных / центробежных сил в её внутреннем строении (А. Загнитко, В. Колесов и др.), с одной стороны, и исследовать особенности категоризации и концептуализации, расширение номинативных интенций в языке, определить зависимость дискурсивных реализаций от речевой компетенции носителей языка, с другой стороны. Возможности применения синергетического подхода можно расширять, поскольку исследования языка сегодня выходят на качественно иной уровень с повсеместным использованием компьютерных технологий и т.п.

ЛИТЕРАТУРА

- Алефиренко, Н.Ф.: *Современные проблемы науки о языке*. Москва, «Флинта» – «Наука», 2009.
- Делёз, Ж.: *Что такое философия?* Москва, «Институт экспериментальной социологии», Санкт-Петербург, «АЛЕТЕЙЯ», 1998.
- Жикеева, А.Р.: *Концепты национального языкового сознания*. В: Концептуальные исследования в современной лингвистике. Санкт-Петербург – Горловка, Изд-во ГГПИИЯ, 2010, 100–107.
- Загнітко, А.П.: *Сучасні лінгвістичні теорії*. Донецьк, «Юго-Восток, Лтд», 2007.
- Загнітко, А.П.: *Сучасні класифікації концептів: теоретичний і прикладний аспекти*. В: Актуальні проблеми сучасної філології. Мовознавчі студії 2010, 18, 60–67.
- Ивановић, М.: *Прелазност у украјинском језику: функционални аспект*. Београд, «Задужбина Адрејевић», 2007.
- Колесов, В.В.: *Классификация ментальных исследований языка с позиции философского реализма*. В: Концептуальные исследования в современной лингвистике. Санкт-Петербург – Горловка, Изд-во ГГПИИЯ, 2010, 3–17.
- Кошелев, А.Д.: *Об основных парадигмах изучения естественного языка в свете современных данных когнитивной психологии*. Вопросы языкознания 2008, 4, 15–40.
- Кубрякова, Е. С.: *Язык и знание*. Москва, «Языки славянской культуры», 2004.
- Кун, Т.: *Структура научных революций*. Москва, «Прогресс», 1977.
- Лещак, О.: *Языковая деятельность. Основы функциональной методологии лингвистики*. Тернополь, «Підручники і посібники», 1996.
- Михеев, А.В.: *Категоризация и концептуальные классы*. В: Семантика и категоризация. Москва, «Наука», 1991, 45–59.
- Поповић, Љ.: *Епистоларни дискурс украјинског и српског језика*. Београд, Филолошки факултет, 2000.
- Поповић, Љ.: *Језичка слика стварности: Когнитивни аспект контрастивне анализе*. Београд, Филолошки факултет, 2008.
- Селіванова, О.О.: *Сучасна лінгвістика: напрями та проблеми*. Полтава, «Довкілля», 2008.

- Танасић, С.: *Синтаксичке теме*. Београд, «Београдска књига», 2009.
- Философский Энциклопедический Словарь. Москва, «Сов. Энциклопедия», 1989.
- Ханзен, Б.: *На путути от словаря к грамматике: модальные вспомогательные слова в славянских языках*. Вопросы языкознания 2006, 2, 68–85.
- Шафиков, С.Г.: *Категории и концепты в лингвистике*. Вопросы языкознания 2007, 2, 3–17.
- Шелякин, М.А.: *Об употреблении пространственного местоимения тот в тексте*. В: Humaniora: Lingua Russica. Труды по русской и славянской филологии. Лингвистика XI. Язык в функционально-прагматическом аспекте. Тарту, «KIRJASTUS», 2008, С. 13–19.
- Юрченко, В.С.: *Философия языка и философия языкознания: Лингвофилософские очерки*. Москва, «КомКнига», 2005.
- Apresjan, V.: *Emotion metaphors and cross-linguistic conceptualization of emotion*. In: Cognitive linguistics in the study of the English Language and Literature in English 1997, 47–69.
- Barcelona, A.: *On the plausibility of claiming a metonymic motivation for conceptual Metaphor*. In: Metaphor and Metonymy at the Crossroads. A Cognitive Perspective. Berlin, New York, 2000, 32–67.
- Evans, V.: *Leksykon językoznawstwa kognitywnego*. Kraków, Towarzystwo Autorów I Wydawców Prac Naukowych UNIVERSITAS, 2007.
- Goossens, L.: *Metaphtonymy: The interaction of metaphor and metonymy in expressions for linguistic action*. Cognitive Linguistics 3 (1990), 1, 97–123.
- Klikovač, D.: *Semantika predloga*. Београд, Filološki fakultet, 2006.
- Kuhn, T.S.: *The Structure of Scientific Revolutions*. Chicago, 1962.
- Pauwels, P.: *Levels of metaphorization*. In: By word of mouth. Metaphor, metonymy, and linguistic action in a cognitive perspective, Amsterdam, Philadelphia, 1995.

TYPOLOGICAL EXPRESSIONS LINGUISTIC PARADIGM: QUALIFICATIONS AND ASPECTS OF QUALIFYING

Different approaches to interpretation of linguistic paradigm are analyzed; differential traces of scientific linguistic paradigm are defined; its particular qualities of correspondence with philosophic trend are arranged; manifestations of nuclear epistemic units of linguistic paradigms are diagnosed. Inheritance between linguistic paradigm and ideologic postulates is considered; qualifications of constitutive language signs are distinguished (significance, functionality, categorizing, symbology, notation etc.). Necessity of qualification and classification of elementary component (elementary taxonomic) paradigm, structural and nominative existential linguistic paradigms is diagnosed in terms of correlativity between language researches and the rest of scientific investigation (philosophic, logical, psychologic etc.). Also interpretation of linguistic paradigm is analyzed in terms of definition of dominant paradigmatic epistemic unit.

Анатолий Афанасьевич Загнитко
Донецкий национальный университет
e-mail: a.zagnitko@gmail.com